

Алексея Михайловича, в дорогом переплете попадает в дворцовую библиотеку, а на Украине распространяется на польском языке, т. е. в таком виде, в каком оно могло быть предметом чтения только образованной казацкой старшины и местного дворянства. Недаром подготовленная к печати «Звезда Пресветлая» посвящается царевичам Иоанну и Петру и царевне Софье. Все это свидетельствует о той социальной среде, которая давала читателей для этой новой литературы. Только позже переводные сборники сделались достоянием широких слоев читателей посада и грамотного крестьянства и еще позже, главным образом в XVIII в., отдельные легенды этих сборников проникают в русскую народную картинку и в фольклор.

В отношении к литературной традиции автор «Повести о Савве Грудцыне» таким образом придерживается тех же тенденций, которые вплоть до последних лет XVII в. являются характерными для социальной практики основной массы крупного купечества Московской Руси. Как в жизни представители крупного торгового капитала через весь XVII в. пронесли протест против привилегий иностранных (восточных и западноевропейских) купцов и защиту своих интересов видели в изоляции внутреннего рынка, так и в литературе их идеолог стоит далеко в стороне от литературных токов враждебного для его социальной группы Запада. В этом отношении он, конечно, является выразителем консервативных, ретроградных стремлений своей социальной группы, лучшие представители которой в это время уже осознают необходимость общения с Западом и в деловом и в культурном отношении.

Бытовой реализм, еще в тесном соединении с приемами агнографического письма, характеризует стиль нашей повести. Богородичная легенда и посмертное «чюдо» агнографии с их реалистическим описанием болезни грешника и его исцеления (точное указание имен, времени, обстоятельств и причин заболевания и т. п.) и в то же время с наличием демонологических элементов и культа икон объясняют появление произведений, подобных «Повести о Савве Грудцыне». Но последняя неизмеримо превосходит их широтой картин изображаемой исторической эпохи, тщательностью зарисовок бытовой обстановки купечества XVII в., ясной постановкой важных для этой социальной группы вопросов, развернутой любовной интригой и т. д. К сожалению, полнейшая неразработанность вопроса о стиле феодальной литературы древней Руси, а тем более о стиле литературы отдельных классов, не дает возможности поставить «Повесть о Савве Грудцыне» в отношении стиля в более тесный и более определенный круг родственных ей реалистических произведений. Только